

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АЗИАТСКОГО ВЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (1990–2015)

Воскресенский А.Д.

Азиатское направление внешней политики РФ охватывает широкий круг государств Ближнего, Среднего Востока, Центральной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона и бассейна Индийского океана, т.е. в это направление входит та часть внешнеполитической активности России, которая вытекает как из ее принадлежности к Азии и Тихоокеанскому бассейну, так и из многовекторности ее внешней политики. Несмотря на то, что значение этого географо-политического вектора для общего внешнеполитического курса России как с точки зрения его значимости во внешней политике в целом, так и с точки зрения его практической торгово-экономической наполняемости, изменялось за прошедшие более чем 15 лет, в целом внимание к этому региону постепенно, но постоянно увеличивалось.

На начальном этапе, охватившем первый год — максимум полтора постсоветского развития, роль азиатского направления в целом оставалась очень небольшой. Главным в тот период считалось западное направление, и в первую очередь отношения с США. Отодвинутыми в сторону во многом оказались связи не только с весьма удаленными странами, но и контакты с непосредственными «главными» соседями по Азии — Китаем и Японией. Казалось, Москва не слишком дорожила своими позициями во внутренней Азии — в среднеазиатском регионе и Монголии — и проявляла склонность к

ревизии многих прежних, доставшихся от советского времени внешнеполитических традиций и предпочтений. Однако, в такой постановке проблем была и своя логика. Дело в том, что после распада СССР произошел раскол во внешнеполитической элите России. Одна часть приняла как закономерные те изменения во внешней политике, которые должны были последовать за распадом СССР и превращением России в демократическое государство рыночной экономики. В этой группе изначально доминировали «атлантисты» по той причине, что моделью нового российского устройства выступали развитые рыночные демократии стран Запада. Сделав ставку на полноценное вступление России в «европейский дом» как стратегическую цель внешней политики, «атлантисты» считали, что другие направления объективно должны стать второстепенными — отношения с азиатскими, центрально-азиатскими странами и в рамках СНГ рассматривались или как непосильная обуза, если не препятствие в достижении главной стратегической цели — присоединение к западному экономическому и политическому «ядру» мировой системы, или же как второстепенное, маргинальное направление внешней политики¹.

¹ Подробнее логику см. в книге: Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004. С. 609–613 [Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika / pod red. A.V. Torkunova. M.: Prosveshcheniye, 2004. S. 609–613].

Теоретическая логика такого внешнеполитического построения была достаточно хорошо продумана: в условиях распада «биполярной» системы нужно было обеспечить «присоединение» полюса, испытавшего поражение (СССР), хотя бы и в усеченном виде (без республик СССР), к «победившему» полюсу. Считалось, что это будет выгодно не только проигравшим, но и выигравшим, так как резко усилит влияние в мировой политике оставшегося и укрупненного за счет проигравших полюса. Однако не следует думать, что «атлантисты»-дипломаты, в отличие от «атлантистов»-политиков, в этот период совсем забросили Восток. Восток рассматривался как конфликтогенный регион, слишком близкие отношения с которым «отяготят» Россию дополнительными сложностями в ее движении на Запад при слишком географически близких отношениях с крупнейшими странами-соседями, особенно если они имели сходную с СССР модель государственного и экономического устройства, а экономические выгоды от такого взаимодействия будут весьма сомнительными. В соответствии с этими соображениями и.о. Председателя Правительства РФ Е. Гайдар в своей программной статье назвал Россию «форпостом» демократии на Востоке, а МИД РФ рассматривал крупные страны Востока, прежде всего Китай, исключительно как «тыл» отношений с Западом². Для этого при министре иностранных дел А. Козыреве правительство президента Б. Ельцина подтвердило нормализацию прежде всего самых важных для России на Востоке советско-китайских отношений, обеспечен-

ную еще правительством М. Горбачева, стремясь построить добрососедские и прагматичные отношения, которые бы дали конкретные выгоды, в том числе и экономические: стратегическую стабильность на российско-китайской границе, крупномасштабные межгосударственные торговые отношения, содействие развитию мелкого бизнеса и челночной торговли в России и Китае и возможность динамично развивать отношения с Западными странами.

Однако нерешительность западных настроений относительно окончательной «судьбы России» контрастировала с действиями многоопытной китайской дипломатии, которая, несмотря на большое количество непростых моментов в отношениях с новой демократической Россией на раннем этапе (в частности, косвенная поддержка ГКЧП) и существенный груз прошлого (полемика по политическим и пограничным вопросам и даже столкновения на границе), ради сохранения и развития этих отношений была готова на предельный прагматизм, включая обоюдоприемлемое решение территориального вопроса и развитие экономических связей без увязки с политической или идеологической составляющей. Вследствие этого уже с осени 1992 года, в связи с гражданской войной в Таджикистане, стала четче проявляться другая, консервативно-реалистическая тенденция в российской внешней политике, прочно утвердившаяся к середине 1990-х годов. Азиатское направление к этому времени в значительной степени восстановило свои позиции одного из важнейших приоритетов внешнеполитической деятельности России. Более того, оно приобрело в какой-то мере новое значение, прежде всего в связи с начавшимися динамично развиваться экономически и военно-техническими связями с КНР, призванными сохранить россий-

² Гайдар Е.Т. Россия XXI века: не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии // Известия. 1995. 18 мая [Gaydar E.T. Rossiya XXI veka: ne mirovoy zhandarm, a forpost demokrati v Yevrazii // Izvestiya. 1995. 18 maya].

ский военно-технический потенциал. Со второй половины 1990-х годов произошло изменение и российской внутриполитической ситуации — у российской политической элиты стало вызывать раздражение не только усиливающаяся геополитическая слабость страны, вызванная нерешительными и половинчатыми реформами, но и то чувство «оправдывающегося ожидания», с которым эта слабость стала восприниматься на Западе и в Японии, которая инициировала новый раунд обострения территориального вопроса. Это сильно контрастировало с китайской позицией благожелательного выжидания и планомерного неуклонного позитивного развития российско-китайских отношений³.

К этому времени в целом в Азии российская внешняя политика стала стратегически нацеливаться на обеспечение безопасности границ, стабильность в конфликтных зонах, особенно там, где они непосредственно примыкают к границам России, расширение экономического сотрудничества со всеми азиатскими государствами, невзирая на их идеологические пристрастия, для модернизации российской экономики, более быстрого развития российского Дальнего Востока, и стабилизацию центральноазиатского «подбрюшья» России путем установления многомерных тесных отношений с «исламским миром» в партнерстве с США, Европой и Китаем. Усиливающиеся геополитические и экономические взаимосвязи с Китаем не только стали существенной финансовой под-

питкой российского ВПК, но и помогали геополитически «закрепить» конфликтогенное и экономически нестабильное азиатское «подбрюшье» России, став своеобразным якорем пусть консервативной, но стабильности.

Таким образом, хотя отношения между Россией и Китаем в целом стартовали с очень низкой отметки, унаследованной от периода конфронтации в 1960–1980-х годах, но уже во второй половине 2000-х годов они смогли выйти на уровень тесного разностороннего стратегического партнерства. Основу прогресса заложили договоренности, достигнутые на последнем этапе существования СССР. В ходе визита президента М. Горбачева в Пекин в мае 1989 г. стороны парафировали, а через два года в Москве во время визита председателя КНР Цзян Цзэминя подписали соглашение о делимитации основной части границы⁴. В ходе двух этих встреч обозначились контуры дальнейшего двустороннего взаимодействия. После короткой паузы, вызванной последствиями неудачного путча в Москве (Пекин поддержал ГКЧП) и проявленной КНР настороженностью в связи с первыми внешнеполитическими шагами нового российского руководства, отношения начали развиваться. Уже в декабре 1992 г. Б. Ельцин нанес официальный визит в КНР, где было принято совместное заявление об основах взаимоотношений. В том же году началось активное военно-техническое сотрудничество двух стран. В ходе ответного посещения России в сентябре 1994 г. Цзян Цзэминь назвал двусторонние связи «конструктивным партнерством».

³ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. М. : Восток — Запад, 2008. С. 504–518. См. также: Россия и Китай. Четыре века взаимодействия / под ред. А.В. Лукина. М. : Весь мир, 2013 [Voskresenskiy A.D. Kitay i Rossiya v Yevrazii. M. : Vostok — Zapad, 2008. S. 504–518; Sm. takzhe: Rossiya i Kitay. Chetyre veka vzaimodeystviya / pod red. A.V. Lukina. M. : Ves' mir, 2013].

⁴ Подробно см.: Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М. : Изограф, 2001 [Galenovich Yu.M. Rossiya i Kitay v XX veke: granitsa. M. : Izograf, 2001].

Однако наиболее заметный прорыв был сделан позднее. Он произошел в 1996 г., когда в ходе очередного саммита в Пекине стороны приняли совместное заявление, в котором объявили о стремлении к построению «стратегического партнерства», основанного на равенстве и доверии и направленного на углубление взаимодействия в XXI в. Главным его результатом стало практическое решение долгое время осложнявших взаимные связи пограничных проблем — установление окончательной принадлежности ряда островов и осуществление беспрепятственного судоходства по разделяющим два государства рекам. На базе двух соглашений о делимитации границы стороны к 1998 г. пришли к согласованию позиций по демаркации восточного ее сектора протяженностью около 4200 км и западного сектора длиной в 54 км. К концу 1990-х годов осталась неурегулированной судьба лишь трех островов на реках Амур и Аргунь⁵.

Не менее существенное значение имело согласие, к которому пришли стороны по главным проблемам мировой политики. Россия и Китай заняли сходные или близкие позиции по всем основным международным вопросам, в том числе в период Косовского кризиса 1999 г., констатировали общее понимание содержания современного этапа международных отношений как движения к многополярному миру, недопущению диктата и доминирования одной державы, одного полюса силы и влияния.

Существенный сдвиг от идеологизированности к еще большему прагматизму в российско-китайских отношениях стал происходить в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Российские и китайские аналитические сооб-

щества в целом оценивали этот сдвиг положительно, однако стороны руководствовались при этом различными соображениями. В России уже к концу 1990-х годов у части политической элиты постепенно стало усиливаться мнение, что Запад как стратегический партнер не оправдал российских надежд, так как вместо того, чтобы продолжать предоставлять экономическую помощь и осуществлять с Россией стратегическое сотрудничество, невзирая на внешнее проявление изменившихся экономических и политических представлений российской политической элиты о мире и исходя прежде всего из российских национальных интересов так, как их понимает российская политическая элита, а не из своих собственных, не прекратил расширение НАТО на Восток, усилил политическое и стратегическое давление на Россию и постепенно стал все больше обуславливать характер и глубину российско-западного экономического взаимодействия политическими составляющими: необходимостью экономических и политических реформ, расширением социально-политического доступа, соблюдением прав человека, большей открытостью, инкорпорированием в западные структуры безопасности, пусть и за счет усеечения самостоятельности, как ее понимала российская политическая элита того времени. Это привело к постепенному нарастанию противоречий между мейнстримом российской и западной политической элиты, тем более что и в западной политической элите, так же как и в российской, сохранялись существенные тенденции к недоверию, если не неприязни. Китайская политическая элита, глубину противоречий которой с Западом в России не понимали или недопонимали, открыто говорила российской, что будет придерживаться деидеологизиро-

⁵ Там же [Tam je].

ванности двусторонних отношений и невмешательства во внутривнутриполитические дела в соответствии с принципами нормализации, согласованными М. Горбачевым и Дэн Сяопином, а затем подтвержденными Б. Ельциным и Цзян Цзэмином, особенно если Россия будет занимать более критическую позицию в отношении стран Запада, который, как считала часть китайской политической элиты, усиливала давление на Китай, пользуясь временной экономической и политической слабостью России.

Разработка и осуществление мер доверия и частичной внешнеполитической координации между Россией и Китаем способствовали возникновению так называемого «Шанхайского процесса», который покоился на базе советско-китайского переговорного механизма о конкретизации мер доверия между двумя странами и практическом сокращении вооружений вдоль границы, так и собственно переговоров о границе, прежде всего в ее западной части. Переговоры «Шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) привели к дальнейшему укреплению мер доверия в военной области, особенно между Россией и Китаем, и подписанию соответствующего соглашения 1996 г., а также в следующем 1997 г. — соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Одновременно члены «Шанхайской пятерки» продолжали рассмотрение нерешенных вопросов пограничного урегулирования, которое постепенно также привело к подписанию соответствующих соглашений между Китаем и другими членами «пятерки». Решив в принципе эти проблемы, страны «пятерки» решили преобразовать неформальную организацию, коей являлась «Шанхайская пятерка», в «настоящую» региональ-

ную организацию с расширенной повесткой деятельности. Эта организация получила название Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Декларация о создании ШОС была подписана на встрече глав шести государств («Шанхайская пятерка» плюс Узбекистан) 15 июня 2001 г., а 7 июня 2002 г. была принята Хартия ШОС — уставной документ, определивший цели, задачи, принципы, структуру и основные направления деятельности этой новой региональной организации. В соответствии с Хартией ШОС становилась ответственной за развитие регионального многопрофильного сотрудничества в целях укрепления и поддержания мира. Планировалось, что она должна содействовать построению нового демократического, справедливого и рационального международного порядка, основанного в частности и на совместном противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму, особенно направленного против членов этой региональной организации. Организация основана на демократическом принятии решений: путем консенсуса (за исключением вопросов приостановления или прекращения членства в этой организации) и на принципах взаимного уважения суверенитета, полного равноправия всех государств-членов, ненаправленности против других государств или международных организаций. После оформления организационной структуры ШОС, ее регистрации в Секретариате ООН, а также в качестве наблюдателя на Генеральной Ассамблее ООН она превратилась в международную региональную организацию, высшим органом которой стал Совет глав государств (СГГ), который, собственно, и сформулировал основные направления деятельности и приоритеты этой организации на будущий период ее развития.

Основное направление деятельности ШОС — сотрудничество в области безопасности, противодействие и борьба с экстремизмом и терроризмом, противодействие противоправной деятельности сепаратистских движений и международных организаций фундаменталистского типа, прежде всего в Центральной Азии, а также укрепление совместного военного сотрудничества. Постепенное усиление мер доверия, в частности и в военной области, а также в области безопасности привело к усилению двустороннего экономического сотрудничества, которое поначалу тормозилось общей слабостью российской экономики 1990-х годов. Однако в течение 1990-х годов усиливающиеся российские компании постепенно стали закрепляться на китайском рынке, а торговый оборот между двумя странами стал нарастать. В конце 1997 — начале 1998 г. Россия и Китай фактически осуществили прорыв в двусторонних экономических отношениях: между двумя странами был подписан контракт о сотрудничестве по сооружению Ляньюньганской АЭС в провинции Цзянсу стоимостью 3 млрд долл. США. Кроме преваляровавшего ранее предоставления трудовых услуг, начало развиваться подрядное строительство, торговля технологиями и даже постепенно совместная инвестиционная деятельность (правда, в незначительных масштабах). К концу первого десятилетия российско-китайских отношений (т.е. к концу 1990-х годов) в России работало уже около 400 предприятий с китайским капиталом в основном в сельском хозяйстве, переработке леса, общественном питании и торговле. Начали действовать и крупные компании в сфере электроники и телекоммуникационных технологий (Хуавэй Текнолоджиз, Чуньлань и др.). Когда к концу 1990-х годов наметился резкий рост то-

варооборота с Китаем, возникла и новая ситуация: рост товарооборота стал сопровождался постепенным, но все более явным падением доли машин и оборудования в российском экспорте, снижением доли продукции с высокой добавленной стоимостью, снижением доли российского экспорта по отношению к импорту, вообще в целом арханизацией структуры этих отношений с российской стороны.

Взаимная торговля, даже при наметившейся тенденции роста, поначалу носила неустойчивый характер: на показателях товарооборота сказывались трудности учета российского импорта, вследствие того, что значительную его часть обеспечивал неорганизованный бизнес торговцев-«челноков». По мере насыщения российского рынка значение мелкооптового ввоза стало падать, хотя, по оценкам официальных лиц КНР, она даже до сегодняшнего времени остается весьма значительной — до 10 млрд долл. в год. Между тем официально регистрируемый двусторонний товарооборот вплоть до 1999 г. не превышал 6–8 млрд долл. В 2001 г. объем торговли приблизился к 11 млрд, а в 2002 г. превзошел эту отметку. Российский экспорт при этом стабильно превышал китайский, и положительное торговое сальдо РФ за 1992–2001 гг. составило более 26 млрд долл., что позволяло надеяться на перелом к лучшему в следующем десятилетии.

В то время как обороты взаимной торговли в самом начале XXI в. вышли на новые рубежи (не достигшие, впрочем, провозглашенных в 1997 г. целей подняться до 20 млрд долл.), китайские инвестиции в российскую экономику не превысили в то время 300 млн долл., уступая японским, что было особенно заметно при учете портфельных и ассоциированных форм вложений. Таким образом, развитие российско-китай-

ских отношений стало достаточно сильно контрастировать с развитием российско-японских: в первом случае было найдено решение самому острому в двусторонних отношениях пограничному вопросу, но финансово-экономические отношения отличала нестабильность, а для взаимного инвестирования не хватало ни средств, ни политической воли. Сегодняшние фактические российские инвестиции находятся на соответствующем китайскому уровню, но с учетом контрактных обязательств приближаются к 700 млн долл.

В новом, XXI веке в соответствии с новыми российско-китайскими контрактами Россия стала оказывать Китаю содействие в области ядерной энергетики — сооружении атомной электростанции в провинции Цзянсу и разработке урановых рудников, а также в сфере электроэнергетики: были подписаны контракты и по ним пошла работа на поставку 16 энергоблоков для семи ТЭС. Позже России и Китаю наиболее перспективным стало представляться сотрудничество в разработке нефтегазовых месторождений Сибири и Дальнего Востока и прокладке трубопроводов для снабжения энергетическим сырьем северо-восточных провинций КНР. Рамочное соглашение о поставках природного газа из Ковыктинского месторождения близ Иркутска через Монголию в Китай было подписано высшими должностными лицами двух стран еще в 1997 г. Однако цена проекта (приблизительно 10 млрд долл.) усложнила привлечение финансовых средств. Наиболее реальными участниками консорциума по реализации амбициозных энергетических проектов должны были стать Япония и Республика Корея, однако обе эти страны были заинтересованы в комплексном решении проблемы доставки российского энергетического сырья, не только в Китай, но и к

ним, поэтому стали настаивать именно на многосторонней форме консорциума, что усложнило переговорный механизм проекта, поскольку мало соответствовало китайским представлениям о необходимости исключительно двустороннего характера такого сотрудничества. Все же в целом, несмотря на геополитические и переговорные сложности, взаимодействие в области энергетики стало продвигаться вперед довольно быстро: началось строительство нефтепровода «Россия — Китай», а «Газпром» совместно с компанией «Ройял Датч Шелл» выиграл тендер на прокладку газопровода из западных районов Китая в Шанхай.

В области военно-технического сотрудничества дела обстояли лучше, чем в области энергетики либо инвестирования и даже экономических отношений в целом. В 1990-е годы российский экспорт продукции военного значения в Китай составлял не менее 20% от его общего объема, хотя в цифрах товарооборота он никогда не учитывался. Логика российско-китайского сотрудничества в этой области в 1990-е годы была довольно простой: Китаю нужны были военные технологии и продукция ВПК, доступ к которой он не мог получить из-за западных санкций после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь⁶, а российскому правительству были нужны средства для выплаты зарплат сотням тысяч рабочих, занятых в сферах военной промышленности, что давало политическую стабильность и позволяло надеяться на сохранение достигнутого к тому времени технического уровня и инновационных способностей по крайней мере военно-промышленного

⁶ Goldstein Lyle O. (ed.) *Not Congruent but Quite Complimentary. U.S. and Chinese Approaches to Non-traditional Security*. Newport, Rhode Island: China Maritime Studies Institute, U.S. Naval War College, 2012.

комплекса. По свидетельству лиц, ответственных за это сотрудничество (к примеру, А.И. Котелкина, в то время занимавшего пост главы «Росвооружения»), доходами от экспорта продукции военной промышленности удавалось финансировать не менее 50% его производства, причем львиная доля доходов шла от продажи оружия и технологий именно Китаю, т.е. Россия смогла решить задачу сохранения своего военно-технического потенциала. Китай, по свидетельству дипломатических и военных экспертов высокого уровня информированности (А.П. Лосюков, К.В. Макиенко и др.) получил возможность перехода от эксплуатации и производства второго послевоенного поколения вооружений к четвертому и даже к так называемому «четвертому с плюсом» поколению военной техники. В значительной степени с помощью России Китай сумел обновить научно-техническую базу вооруженных сил в ключевых областях⁷. В то же время в 1990-е годы (по крайней мере в их первую половину, а отчасти и во вторую) это до определенной степени соответствовало и российским интересам, поскольку Россия смогла найти средства для того, чтобы модернизировать свои военные предприятия, а с другой стороны — сохранить и развить дружественные отношения с Китаем, превратив его почти на десятилетие в основного партнера в военно-техническом сотрудничестве и укрепляя отношения между военными элитами двух стран. Вы-

сокопоставленные дипломатические эксперты (И.А. Рогачев, А.П. Лосюков) неоднократно заверяли международную общественность и экспертное сообщество, что это делалось так, чтобы не нарушать сложившийся в регионе Восточной Азии баланс военных потенциалов и не подрывать международную стабильность. Именно так Китай и превратился в то время в ведущего покупателя российского вооружения. В тяжелый для экономики РФ переходный период (с 1992 по 1997 г.) Пекин приобрел оружия на сумму приблизительно в 6 млрд долл., т.е. покупал российской военно-технической продукции на сумму в среднем около 1 млрд долл. в год. Среди произведенных Китаем в те годы закупок — семь транспортных самолетов ИЛ-76М, восемь вертолетов КА-27ПЛ, 50 многоцелевых сверхзвуковых истребителей СУ-27СК и СУ-27УБК, четыре подлодки класса «Кило» проекта 877ЭКМ, два эсминца класса «Современный» проекта 956Э. Кроме того, в 1996 году был заключен контракт на постройку 200 истребителей СУ-27СК на заводе в г. Шэньян⁸.

С 1999 г. начинается структурно новая волна закупок военно-воздушной техники, связанная с приобретением истребителей нового класса СУ-30. Были заключены контракты на поставку двух партий (38–40 единиц каждая) самолетов СУ-30МКК. Весьма важным элементом российско-китайского ВТС стала также передача отдельных подсистем и агрегатов для использования в национальных китайских проектах — бортовых радаров и современных авиационных двигателях. В 2002 г. заключен контракт на поставки Китаю второй партии эсминцев, которая включала два

⁷ Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М.: Российский институт стратегических исследований, 2013 [Barabanov M.S., Kashin V.B., Makiyenko K.V. *Oboronnaya promyshlennost' i trgovlya vooruzheniyami KNR*. M.: Rossiyskiy institut strategicheskikh issledovaniy. 2013]; Tai Ming Cheung. *Fortifying China. The Struggle to Build a Modern Chinese Defense Economy*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2009.

⁸ Россия и Китай. Четыре века взаимодействия / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013 [Rossiya i Kitay. *Chetyre veka vzaimodeystviya* / pod red. A.V. Lukina. M.: Ves' mir, 2013].

корабля усовершенствованного проекта 956ЭМ и восемь дизель-электрических подлодок проекта 636. Общая стоимость только этих контрактов составила около 3 млрд долл.

Отдельно следует упомянуть поставки российской техники для китайских ПВО. В 1992–1999 гг. КНР получила зенитные ракетные системы средней дальности действия С-300ПМУ и малой дальности «Тор-М1». В дополнение к двум выполненным контрактам стороны в 2001 г. подписали еще один — на поставку в КНР комплекса С-300С.

Так постепенно за первое десятилетие после распада СССР российско-китайское сотрудничество начало приобретать устойчивый и обоюдовыгодный характер, прежде всего в военно-технической и энергетической областях. Летом 2002 г. в Шанхае состоялась очередная ежегодная, уже седьмая с 1996 г., встреча премьер-министров двух стран. Практически во всех областях сотрудничества стали действовать межправительственные, межведомственные и межрегиональные комиссии — к концу 1990-х годов между двумя странами было подписано уже более 120 межгосударственных, межправительственных и не счесть сколько межведомственных соглашений), а российско-китайские отношения стали выходить на уровень стабильного поступательного взаимовыгодного развития, в том числе и в стратегических областях. В то же время в российско-китайских отношениях политические и военно-технические отношения значительно опередили экономическое сотрудничество в гражданских отраслях экономики, т.е. экономическим отношениям без учета военно-технического компонента продолжало не хватать стабильности, реальной динамики и стратегического характера.

Дальнейшее упорядочение российско-китайских отношений стало происходить после прихода к власти В. Путина: дуалистичность России как европейского и азиатского государства и, соответственно, наличие двух равноправных направлений — европейского и азиатского — в российской внешней политике была сформулирована в его программной статье «Россия: новые восточные перспективы». Российский президент в этой статье подтвердил, что Китай остается стратегическим партнером России, так же, как это было при Б. Ельцине. Однако В. Путин при этом сразу же упомянул и новые моменты в этом партнерстве, а именно акцент на поддержание и укрепление многополярного мира и необходимость прежде всего совместных российско-китайских усилий в области сохранения стратегического равновесия и баланса. По итогам визита В. Путина в Пекин была подписана Пекинская декларация и сделано совместное российско-китайское заявление по вопросам противоракетной обороны. Эта декларация и заявление о дальнейшем сближении акцентировали новые возможности для усиления многоформатного сотрудничества с Китаем, в том числе и в других областях: образовании, культуре, здравоохранении и спорте, сотрудничеству в которых раньше придавалось не так много внимания или же на это сотрудничество просто не хватало материального и финансового ресурса. В то время международные эксперты не сразу обратили внимание, что именно совместное заявление о противоракетной обороне стало маркировать серьезный сдвиг в понимании ситуации в мире у части российской военной элиты по сравнению с предыдущим десятилетием, а усиленный финансовыми вливаниями от продажи Китаю военно-технической продукции военно-про-

мышленный комплекс стал оказывать все большее влияние на политику страны в целом.

Новые крупные результаты принес визит Цзян Цзэминя в Москву в июле 2001 г. Стороны теперь уже не ограничились подписанными декларациями, а решили скрепить свои отношения полномасштабным Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, рассчитанным на 20 лет (до 2021 г.). Они также договорились о продолжении консультаций с целью нахождения взаимоприемлемого окончательного решения судьбы спорных островов на российско-китайской границе, оставшихся под юрисдикцией РФ.

Подписание нового российско-китайского договора, по мнению сторон, его подписывающих, окончательно подвело черту под двусторонними отношениями прошлого и открыло возможность развивать сотрудничество на фундаментальной и правовой основе — отсутствие договора не давало возможности завершить переговоры по оставшимся несогласованным пограничным вопросам, не позволяло и кардинально (не менее чем на порядок) увеличить торговый оборот. Кроме этого, без наличия договора невозможно было построить стабильные общественные отношения между двумя странами, так как и в российском, и в китайском обществе сохранялись зерна недоверия, а прошлые периоды острых фаз во взаимоотношениях продолжали беспокоить экспертов и политиков.

В принципе, такой договор нужен был как Китаю, так и России, так как новый этап взаимоотношений, связанных с появлением России как правопреемницы СССР, но и одновременно отличного от СССР по политическим и идеологическим основам государства, требовал упорядочения целей и принципов сотрудничества между дву-

мя странами. Российско-китайский договор 2001 г. формально не создавал ни военного, ни политического союза между двумя странами, не фиксировал никаких обязательств по совместной обороне от агрессии, но он предельно прагматично отметил дальнейшее стремление к более тесному сотрудничеству на регулярной основе, при этом не определяя его основные формы, которые должны были соответствовать запросам времени и включать как торгово-экономические, так и политические, военные, энергетические и др. формы сотрудничества вплоть до закрепленной договором возможности консультаций в случае возникновения реальной угрозы⁹.

Международные разделы договора отметили ненаправленность его против третьих стран, но одновременно показали, что и Россия, и Китай выступают против трансформации суверенитета, вызванной ускоренным продвижением глобализации. Выразилось это прежде всего в укреплении российско-китайского сотрудничества по линии ООН и неприятии стремления принизить роль этой организации как международного органа консенсусных решений на основе суверенности наций-государств. Договор с его четко выраженным стремлением полностью сохранить международные органы суверенных государств в том виде, как они существовали в XX веке, с его поддержкой основополагающих договоренностей прошлого (по ПРО, к примеру) фактически стал программой сохранения всех норм послевоенного международного права в соответствии с реалиями 1980-х годов, за исключе-

⁹ Voskressenski A. The Three Structural Stages of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage // Eurasian Review. 2012. November. P. 1—15.

нием деидеологизации и нарождающейся многополярности. Договор фактически закрепил юридически никак не оформленную концепцию «многополярного мира», став своеобразным консервативным якорем, который препятствовал одностороннему характеру стремительных изменений в мире в XXI веке. В области двусторонних отношений договор зафиксировал долгожданные для политических элит двух стран нормы двусторонней стабильности в отношениях: отказ от обсуждения вопросов о предпочтительности каких-либо путей политического развития и преимуществ какого-либо типа политической системы, консервативное понимание проблемы прав человека, гарантирующее от вмешательства во внутренние дела, но и не исключающее неформальную поддержку друг друга во внутривнутриполитической области, даже односторонним образом. Договор запрещал использование территории России и Китая третьими государствами в ущерб государственному суверенитету, безопасности и территориальной целостности друг друга, т.е. фактически были сформулированы взаимные условия, не позволяющие сепаратистским движениям, включая какие-либо национально-освободительные действия национальных меньшинств, международно-террористическим организациям, а также вообще любым третьим странам осуществлять деятельность с территории России или Китая. Поскольку российско-китайский договор, как международное соглашение, имеет приоритет перед внутренним законодательством, он фактически сформулировал теоретическую возможность контроля из-за рубежа программы деятельности, в частности российских неправительственных организаций, что противоречит положениям российской Конституции. В то же время ст. 6 До-

говора признала существующую между Россией и Китаем государственную границу, а также необходимость соблюдать статус-кво на ее несогласованных участках. Договор в целом отражал национальные приоритеты двух стран на тот исторический период, учитывал предыдущий многовековой опыт российско-китайских взаимоотношений, обеспечил решение главной проблемы первого десятилетия — достижение стабильности и политической сбалансированности отношений, но одновременно не решил проблему возможной новой идеологизированности или реидеологизации отношений. Т.е. Договор зафиксировал реальную деконструкцию «менталитета холодной войны» (выражение Цзян Цзэминя) у политических элит двух стран и наметил путь развития несоюзнических и одновременно неантагонистических отношений. Одновременно объявив их отношениями «нового типа», он не смог все же сформулировать параметры этого нового типа отношений, которые бы делали невозможной реидеологизацию отношений в зависимости от политической конъюнктуры в обеих странах. В то же время реальный политико-юридический фундамент стабильных, предсказуемых, многогранных отношений (выражение С.В. Лаврова) между двумя странами был заложен.

Вскоре, однако, в мире стали происходить новые кардинальные изменения международной обстановки. Сначала произошла атака террористов на США 11 сентября 2001 г., затем последовало введение войск международной коалиции в Афганистан, т.е. в непосредственной близости от проблемных китайских национальных территорий, которые имели в прошлом опыт независимого от Китая существования (Тибет, Синьцзян). Эти действия были настороженно расценены властями КНР,

но поддерживаны российским руководством, увидевшим возможность стабилизировать эти зоны архайзированной агрессивности с помощью США и однозначно осудившим террористические акты, в том числе и против США. Китай же в этой связи, и особенно после введения американских войск в Ирак (2003 г.), стал опасаться возможных российско-американских договоренностей по ПРО и расширению НАТО в обход интересов Пекина.

В конечном счете была проведена серия российско-китайских консультаций, и беспокойство китайской стороны было развеяно. Это было особенно важно для Китая в преддверии смены высшего руководства КПК и правительства КНР, которое произошло в 2002 г. Введение американских войск в Ирак вопреки мнению руководства России и Китая, которые считали, что резолюция СБ ООН 1441 обязала Ирак сотрудничать с международными инспекторами, но все же не давала санкции на вооруженное вторжение в эту страну, снова усилило общую позицию российского и китайского руководства о недопустимости размывания государственного суверенитета в отсутствие механизма принятия консенсусного международного решения по этому вопросу. Фактически происходило усиление разногласий между Россией и США и между КНР и США по вопросу суверенитета, в котором Россия заняла более активную и более консервативную позицию, чем Китай, при этом при полном одобрении китайской стороны. Введение войск в Ирак, а затем почти одновременно кризис на Корейском полуострове (2003 г.) привели к усилению дипломатического взаимодействия России и Китая по мирному урегулированию этих проблем и укреплению их взаимопонимания по этим вопросам.

В ходе нового официального посещения Китая В. Путиным в конце 2002 г. отмечался существенный прогресс, достигнутый двумя государствами в различных областях двусторонних отношений. Самые заметные сдвиги стали наблюдаться в торговле, экономическом взаимодействии и в сфере ВТС. Во время визита нового руководителя Китая Ху Цзинтао в Россию в мае 2003 г. была подписана еще одна декларация, в которой корейской проблеме было уделено специальное внимание и была подчеркнута необходимость обеспечения безъядерного статуса Корейского полуострова, т.е. фактически его нейтральности в стратегической расстановке сил в Северо-Восточной Азии. За этими событиями последовала серия взаимных визитов руководителей государств и правительств двух стран, а в 2004 г. министры иностранных дел России и Китая подписали Дополнительное соглашение о российско-китайской границе в ее восточной части, которое обозначило, по словам лидера Китая Ху Цзинтао, окончательное урегулирование пограничных вопросов между двумя странами. В соглашении была определена линия прохождения границы на двух до этого остававшихся спорными участках (район о-ва Большой на Аргуни и о-вов Тарабаров и Большой Уссурийский при слиянии рек Амур и Уссури). Соглашение было ратифицировано Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 20 мая 2005 г., 26 мая — Советом Федерации, а 27 мая оно было ратифицировано очередной сессией ВСНП КНР.

Параллельно с подписанием пограничных соглашений стало усиливаться стремление наладить более тесное экономическое сотрудничество в рамках ШОС. 14 сентября 2001 г. в Алма-Ате была проведена первая встреча глав правительств государств — чле-

нов ШОС, на которой был подписан Меморандум об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций, а уже в октябре 2002 г. в Пекине прошел Первый форум ШОС по инвестициям и развитию в области энергетики, за которым в сентябре 2003 г. последовало новое заседание Совета глав правительств государств — участников ШОС уже в Пекине. На нем была утверждена Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС, которая наметила основные цели экономической интеграции в рамках этой организации до 2020 г. В 2004 г. на заседании очередного Совета глав правительств в Бишкеке был даже утвержден План мероприятий по реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС, однако сами проекты фактически не были запущены. К этому времени между государствами-участниками, по-видимому, возникли разногласия относительно того, чем все-таки в конечном счете должна заниматься ШОС, и возобладало мнение об усилении акцента на сферах безопасности, борьбы с терроризмом и наркотрафиком. При этом в экономическом сотрудничестве с близлежащими странами упор Россией был сделан в первую очередь на Таможенный Союз. В то же время кроме проблем безопасности, страны — участницы ШОС решили расширить параметры культурно-гуманитарного сотрудничества в области образования, науки и здравоохранения — на это появились дополнительные финансовые ресурсы.

В рамках этого направления было принято решение о создании и развитии сетевого Университета ШОС, деятельность которого к концу второ-

го десятилетия российско-китайского сотрудничества стала набирать существенные обороты. Перед странами — участницами ШОС была поставлена амбициозная задача — обеспечить образование в рамках ШОС в соответствии с международными стандартами, не потеряв уровня, достигнутого в рамках СССР и в период суверенного развития стран постсоветского пространства. В гуманитарных областях с китайской стороны в этой программе в основном принимают участие языковые вузы, перепрофилирование которых в университеты становится насущной задачей реформируемой китайской системы образования. В технических областях сотрудничество нацелено на прирост потенциала совместных технологий и формирование будущего российско-китайско-центральноазиатского технологического пространства, в той степени, в какой это удастся сделать.

Кроме ШОС к середине 2000-х годов была создана неформальная региональная организация — РИК (Россия — Индия — Китай), впоследствии расширившаяся до БРИКС (Россия, Индия, Китай, Бразилия, ЮАР). БРИКС пока не союз и формально не региональная организация, хотя идеи о создании постоянно действующего Секретариата БРИКС начали озвучиваться фактически с самого начала существования этой группы. В отличие от ШОС, сконцентрировавшейся на решении проблем безопасности, требующих координации силовых структур, БРИКС стал делать акцент прежде всего на проблемах развития международно-финансовых структур в сторону, благоприятную быстро растущим рынкам стран-участниц, совокупная экономическая мощь которых делает их полноправными участниками мирового пространства финансово-экономического взаимодействия. В то же время внутри БРИКС существу-

ют разные мнения по поводу основных направлений развития деятельности этой организации. Так, Китай в основном интересуется проблематика финансово-экономической демократизации международных отношений, которая давала бы ему, а также членам БРИКС больше маневра для экономического развития, в то время как официальные лица России желали бы расширить сотрудничество стран БРИКС на проблематику глобальной безопасности и глобального мироустройства.

Подписание российско-китайских пограничных соглашений привело, в частности, и к укреплению сотрудничества и координации между вооруженными силами двух стран: уже в августе 2005 г. Россия и Китай начали совместные военные учения «Мирная миссия — 2005», ознаменовавшие взаимное желание повысить способность ответить на новые вызовы и угрозы, стоящие совместно перед Россией и КНР. Дальнейшему укреплению межгосударственных отношений не помешала экологическая катастрофа 13 ноября 2005 г. в КНР, произошедшая на территориях, непосредственно примыкающих к территориям России. Китайская сторона во время встречи В. Путина и Ху Цзинтао в Пусане на 13 саммите АТЭС 18 ноября 2005 г. не информировала Россию о произошедшей катастрофе, но уже 22 ноября предоставила соответствующую информацию российской стороне. 26 ноября министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин принял посла РФ С.С. Разова и подробно проинформировал его об инциденте, а также принес официальные извинения Правительства Китая за экологический ущерб. Позднее китайская сторона поставила 150 тонн активированного угля для очистных сооружений Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, что помогло предотвратить экологические послед-

ствия этого инцидента для российских территорий. Таким образом, этот досадный инцидент в отношениях был исчерпан и не имел каких-либо долгосрочных негативных последствий для взаимоотношений двух стран.

Чтобы способствовать еще более тесному сближению России и Китая, 2006 и 2007 годы были объявлены соответственно Годом России в Китае и Годом Китая в России. Серьезная подготовка к этим мероприятиям привела, как и планировалось, к углублению культурного взаимопонимания между народами России и Китая: в рамках этих мероприятий было проведено не менее 600 мероприятий культурного, научно-технического и политико-экономического значения. Кроме того, оба Года открывались высшими руководителями, а закрывались премьерами двух стран — что стало важным формальным знаком углубляющегося сотрудничества для политических элит.

Во второй половине 2000-х годов произошло дальнейшее сближение между российским и китайским руководствами, усилилась тесная координация их международных позиций. Так, в 2009 г. Россия и Китай совместно наложили вето на предложенную США и поддержанную их союзниками резолюцию СБ ООН о введении санкций против режима Р. Мугабе в Зимбабве, которого международные наблюдатели подозревали в фальсификации президентских выборов. В результате этой совместной дипломатической акции китайские оборонные и энергетические предприятия получили доступ к африканским урановым рудникам по соглашениям с авторитарным режимом Р. Мугабе, приобретающим все больше авторитарно-геронтологический характер, а Россия, поддержав Китай, нарастила багаж противоречий с США.

В результате российско-китайского взаимодействия было завершено в 2008 г. юридическое оформление последних двух участков российско-китайской границы в ее восточной части, а 21 июля 2008 г. в ходе официального визита в Китай министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова был подписан Дополнительный протокол-описание российско-китайской границы, вступивший в силу 14 октября 2008 г. Подписание Протокола еще более укрепило отношения двух стран в год празднования 60-летия образования КНР и одновременно 60-летней годовщины установления дипломатических отношений между Россией и КНР. Подписание такого документа имело большую важность для России, для которой пограничный вопрос с Китаем представлял застарелую проблему, которую удалось успешно решить обоюдодоприемлемым консенсусным и дипломатическим путем.

О сложившихся близких отношениях между руководителями России и Китая свидетельствует частота их встреч: только в 2009 г. Д.А. Медведев и Ху Цзинтао встречались 6 раз. В результате всех этих встреч в 2010 г. в ходе очередного визита Д.А. Медведева в Китай был подписан комплекс новых документов и соглашений, среди которых наиболее важным стало Совместное заявление об углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. Кроме этого было заключено двустороннее соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и подписан контракт на поставку в Китай нефти по нефтепроводу Сковородино — Дацин, а также ряд соглашений о расширении сотрудничества в газовой сфере. Таким образом, было закреплено сформированное двустороннее энергетическое сотрудниче-

ство, подтверждены общие позиции по отношению к экстремизму и сепаратизму, а также намечены пути к реализации сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

Цветные революции, а затем «арабская весна» вызвали дальнейшее укрепление совместных российско-китайских политических позиций в мире: Россия в основном опасалась международных последствий «цветных революций» и их возможного влияния на внутривосточную ситуацию в стране, а для Китая кроме общей внутривосточной ситуации было важно не допустить распространения волны событий в исламском мире на Синьцзян и другие регионы Китая, где расселены мусульманские и другие национальные меньшинства. Довольно быстро Россия и Китай выработали совместный политический подход к этим событиям, изложенный в статье С.В. Лаврова в газете «Жэньминь жибао» 15 июля 2011 г.¹⁰ Результатом этого нового совпадения политических позиций российской и китайской дипломатии стала поддержка ооновской резолюции 1970, вводившей санкции против Ливии, воздержание от поддержки резолюции 1973, установившей бесполетную зону над Ливией, и осуждение действий авиации НАТО, как выходящих за рамки этих резолюций ООН.

Второе десятилетие российско-китайских отношений постсоветского периода ознаменовалось, с одной стороны, существенным ростом, с другой — усиливающейся неравномерностью торгово-экономических отношений. Ежегодный прирост тор-

¹⁰ Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в газете «Жэньминь Жибао», 15 июля 2011 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/2405477BBBD062EBC32578CE0022E15A [Stat'ya Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova v gazete «Zhen'min' Zhibao», 15 iyulya 2011 g.].

гово-экономического оборота в российско-китайских отношениях с 2000 по 2008 (предкризисный) г. составил примерно 30%, к 2008 г. он составил примерно 68 млрд долл. США. Хотя в 2009 г. из-за мирового финансово-экономического кризиса торговый оборот упал, однако к концу десятилетия вновь достиг предкризисного уровня. В то же время в торгово-экономических отношениях обнаружились новые тенденции нестабильности: существенно увеличилась доля импорта из Китая (до 69%), а Китай стал первым торговым партнером России среди стран — партнеров России в торгово-экономическом сотрудничестве, потеснив все другие страны, в том числе и Германию. К этому времени доля Китая в российском внешнеторговом обороте составила 10,2%, а России в китайском — чуть больше 2%. За этот период резко сократилась доля машин и оборудования в российском экспорте в Китай (до уровня менее 2%). Россия по большей части стала поставлять в Китай сырье (продукты ТЭК, лесоматериалы необработанные, пиломатериалы, древесную целлюлозу, руды и железные концентраты, удобрения, рыбу и др.), в то время как в структуре российского импорта из Китая стала нарастать доля машин, оборудования, транспортных средств, продукции химической промышленности, бытовой электроники, товаров легкой промышленности. Таким образом, по сравнению с советским периодом Россия и Китай полностью поменялись местами в торгово-экономическом сотрудничестве: Россия стала поставщиком сырья в Китай (в России у части аналитического сообщества и политических аналитиков даже возник термин — «сырьевой придаток Китая»), а Китай — поставщиком готовой продукции, включая машиностроительную и даже продукцию нефтехими-

ческой переработки, произведенную на основе поставленных Россией в Китай нефтепродуктов.

В то же время к концу второго десятилетия стороны явно стали уделять большее внимание инвестиционному сотрудничеству: 13 января 2009 г. В. Путин провел переговоры в Китае, во время которых было подписано более 20 соглашений по конкретным проектам сотрудничества, в ходе реализации которых только с 2008 по 2009 г. прямые китайские инвестиции в российскую экономику увеличились в 2 раза. Они сконцентрированы в основном в области разработки в России полезных ископаемых для последующего экспорта, в лесной промышленности, энергетике, легкой и текстильной промышленности, строительстве и транспортных перевозках. Однако все же к концу десятилетия Россия по общему объему китайских инвестиций переместилась с 7 на 9 место, пропустив вперед себя такие страны, как Люксембург, ЮАР, Сингапур, Таиланд, Мьянму и Бирму. Динамика китайских инвестиций в Россию не претерпела существенных изменений в дальнейшем, в то время как в странах с быстрорастущими китайскими инвестициями, кроме упомянутых, добавились Пакистан, Бразилия, Туркменистан, Казахстан и Иран. Российские же инвестиции в Китай продолжают оставаться крайне незначительными и по общей доле, и по общему объему. Крупнейшим проектом с использованием российских инвестиций в Китае (кроме энергетических проектов) стало совместное строительство завода по производству титановой продукции в провинции Хэйлунцзян.

Во второе десятилетие (2000–2010) в российско-китайском военном сотрудничестве наметился спад, вызванный, с одной стороны, реальными усилиями российской стороны по ди-

версификации военно-технического сотрудничества и расширению списка партнеров: кроме Китая и Индии покупателями российского оружия стали также Алжир, Венесуэла, Вьетнам и Сирия. С другой стороны, и у китайской стороны изменились приоритеты. Китай попытался повысить технологический уровень военно-технического сотрудничества путем покупки небольших партий более совершенного вооружения, но одновременно не проявил заинтересованности ни в покупке лицензий на его производство, ни в реализации совместных проектов разработки оружия нового поколения, как это сделала Индия. Несмотря на эти новые явления, Китай остается одним из пяти важнейших импортеров российских вооружений, и объем российских контрактных обязательств с поставкой в 2010–2013 гг. составляет не менее 1.3 млрд долл. США¹¹. В то же время российско-китайское энергетическое сотрудничество все второе десятилетие развивалось более динамично, чем в первом, в основном концентрируясь на все более крупных энергетических проектах и их инфраструктурном сопровождении за счет китайских кредитов в счет будущих поставок российских энергоресурсов. Еще в 2001 г. Россия и Китай достигли соглашения о строительстве нефтепровода из России в Китай и разработке ТЭО проекта. Существенный импульс этим про-

ектам придали китайские кредиты «Роснефти» и «Транснефти» в размере 25 млрд долл. США в обмен на поставки 15 млн тонн российской нефти Китаю в течение 20 следующих лет. К этому времени энергетические проекты не только начали активно развиваться, но и появились различные формы двусторонних партнерств, а также прямые китайские инвестиции в развитие экспортного потенциала российской углеводородной энергетики. К началу третьего десятилетия российско-китайских отношений постсоветского этапа Россия заняла 4–5 место на китайском рынке энергоресурсов и стала одним из важнейших партнеров Китая в этой ключевой для развития китайской экономики отрасли. Кроме углеводородной энергетики объектами российско-китайского сотрудничества к концу 2-го десятилетия стали: сотрудничество в области газовой, атомной и электроэнергетики. Проекты сотрудничества в этих областях находятся на разной стадии реализации, но, как считается, с большими перспективами в случае достижения договоренностей по ценам и инвестициям.

Российско-китайские отношения в период третьего десятилетия могут быть названы «доверительным конструктивным партнерством, направленным на формирование полноценного стратегического взаимодействия в XXI веке». Крайней формой российско-китайского стратегического взаимодействия и партнерства по договору между Россией и Китаем от 2001 г. при определенных условиях (внутренних и международных) могут быть в том числе и союзнические отношения. Хотя такого рода открытые крайности не выгодны ни Китаю, ни России, баланс отношений «внутри» партнерства может меняться в определенных пределах

¹¹ Российско-китайское военно-техническое сотрудничество и все основные сделки в этой области подробно рассмотрены в: Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М.: Российский институт стратегических исследований, 2013. С. 138–158 [Rossiysko-kitayskoye voyenno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo i vse osnovnyye сделки v etoy oblasti podrobno rassmotreny v: Barabanov M.S., Kashin V.B., Makiyenko K.V. Oboronnaya promyshlennost' i trgovlya vooruzheniyami KNR. M.: Rossiyskiy institut strategicheskikh issledovaniy, 2013. S. 138–158].

в зависимости от мировой конъюнктуры и внутривосточной обстановки в каждой из стран. При этом некоторые российские аналитики стали говорить, что российско-китайское стратегическое партнерство в целом стало более выгодным, прежде всего для Китая, который использует его для модернизации своих вооруженных сил, в то время как многие из подписанных с Россией сотен экономических соглашений действуют не полностью, а потому в экономической сфере партнерство так пока и не смогло полностью реализовать свой потенциал. Другие аналитики утверждают, что политическое единство «подмораживающего» типа и прочная внешнеполитическая поддержка правящих элит на самом высоком уровне всегда имеет свою цену: в частности, издержки неравномерности экономических выгод от партнерства могут также неравномерно распределяться и между самими партнерами. Тем не менее, несмотря на то, как оцениваются результаты этой дискуссии в России, следует признать, что китайская дипломатия сумела решить в области российско-китайских отношений важнейшую политическую задачу, после построения стратегических отношений с Западом и нормализации отношений с Россией, экономически «привязав» Россию к Китаю и одновременно поставив Россию на острие противостояния с Западом, что дает очевидные преимущества для Китая на ближайшие десятилетия с точки зрения его дальнейшего регионального и международного развития¹². В то же время развивающееся российско-западное противостояние и санкционный режим как бы дополнительно подталкивают Китай и Россию друг

к другу и заставляют искать новые сферы взаимовыгодного взаимодействия между двумя странами.

В России существует влиятельная школа, в соответствии с точкой зрения которой Китай считается единственным наиболее перспективным партнером для развития российского Дальнего Востока из всех существующих. В соответствии с аргументами этой школы политическая интенсификация экономических отношений с КНР в будущем может привести к интенсификации отношений со странами Юго-Восточной Азии, особенно с теми из них, в которых велика экономическая роль китайской диаспоры. В пользу усиления экономического сотрудничества с Китаем такого типа говорит и размещение промышленной базы в регионе: тяжелая промышленность, наукоемкие отрасли и добывающая промышленность у России и сельскохозяйственные отрасли, легкая промышленность и избыток рабочей силы у Китая), наличие инвестиционного потенциала на юге Китая и у хуацяо и потребности российского Дальнего Востока в инвестициях, сопоставимость научно-технического уровня Северо-Востока Китая с уровнем производственной базы на российском Дальнем Востоке. Кроме того, есть и весомые политические и геополитические аргументы за дальнейшее усиление экономического взаимодействия с Китаем, так как реальное переплетение экономик южной части российского Дальнего Востока с Северо-Востоком Китая может придать дополнительную динамику и политическую мотивацию провозглашенному «стратегическому партнерству» с этой страной. Аргументы против тоже достаточно весомы: это и наличие неумирающих концепций о несправедливо отображенных в прошлом

¹² Подробнее см.: Fiori A. & Dian M. (eds.) *The Chinese Challenge to the Western Order*. Trento : FBK Press, 2014.

Россией у Китая «исконно китайских территорий», проблема демографического давления Китая на малонаселенный российский Дальний Восток, проблема «морских прав» Китая, поляризующая и без того непростую проблематику безопасности в Восточной Азии, что объективно суживает возможность экономических проектов в регионе, в частности, и на российском Дальнем Востоке. Часть внешнеполитической элиты России продолжает считать, что Китай, в принципе, является одним из немногих государств, которые могут представлять угрозу национальным интересам России¹³. В то же время ясно, что в настоящее время у России нет альтернативы развитию экономических отношений с КНР — по этому вопросу в российской политической элите продолжает существовать консенсус, а значит, КНР на ближайшую перспективу пока останется важнейшим торговым и экономическим партнером России в регионе, поскольку наращивание торгово-экономических отношений с другими партнерами (Японией, странами АСЕАН, США) упирается как в политически нерешенные структурные проблемы самой российской экономики, так и в боязнь регионального экономического усиления России как мощнейшего военного государства, так и не завершившего политический переход к системе открытого социально-политического доступа (демократия).

С точки зрения долгосрочной стратегии развития России объективно необходимо диверсифицировать

основных экономических партнеров и использовать все возможности для привлечения Японии и США в орбиту расширенной экономической деятельности на территории российского Дальнего Востока. Здесь также есть несколько аргументов за, среди которых — необходимость искать региональные геополитические противоречия и дальше развивать экономические отношения с государством, уже имеющим статус одного из основных партнеров России в регионе, а также с другим государством, экономическая и инновационно-технологическая роль которого в мировой экономике остается самой большой, хотя, как утверждают некоторые российские эксперты, и сокращающейся в абсолютных цифрах. Кроме того, находящаяся очень близко от российских территорий Япония обладает капиталом и технологиями, которые при определенных условиях могут стать реальным катализатором экономического развития российского Дальнего Востока «на собственной основе», чего не удастся добиться по крайней мере последние 100 лет. Из аргументов против в основном один — стратегическое решение Японии массированно инвестировать в Россию может быть увязано с необходимостью решения территориального вопроса с этой страной, а использование финансово-технологического ресурса США — реальной «перезагрузки» отношений с Америкой, что может потребовать политической воли и стратегического видения, которых до настоящего времени у российской политической элиты в целом было явно недостаточно.

Реальным стимулом экономического развития и ускорения интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии может являться энергетический

¹³ Храмчихин А.А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы России. М. : Ключ-С, 2013. Гл. 7 [Khramchikhin A.A. Drakon prosnulsya? Vnutrenniye problemy Kitaya kak istochnik kitayskoy ugrozy Rossii. M. : Klyuch-S, 2013. Gl. 7].

и транспортный фактор. Соединение российской нефти и газа с трубопроводами и ж/д магистралями, пролегающими по территориям Китая, Монголии, двух Корей и Японии, в принципе, формирует критическую массу для начала интеграционных процессов в регионе с участием России. Следовательно, развитие этих проектов России выгодно с точки зрения развития ее экономики и с точки зрения увеличения безопасности. Привлечение России к диалогу Европа — Азия могло бы открыть путь для финансирования этих проектов и западным капиталам. Однако волатильность цены на энергоресурсы в условиях противостояния России и Запада увеличивает политические и экономические риски и способствует «замораживанию» всех форм такого сотрудничества.

Основной итог развития российско-китайского сотрудничества двух десятилетий с момента распада СССР заключается в том, что по своей структуре (но со второго десятилетия уже не по объему) российско-китайские торгово-экономические отношения, особенно их региональная компонента, все еще не полностью соответствуют провозглашенному стратегическому характеру отношений между двумя странами¹⁴. Т.е. провозглашенный стратегический характер отношений в основном

продолжает носить все-таки преимущественно политический характер — взаимоподдержка правящих политических элит и прежде всего с точки зрения их политического противостояния Западу. Китайская политическая элита занимает в этом противостоянии куда более сдержанную позицию, чем российская, а соответственно, несет менее значительные экономические, политические и стратегические издержки. Международному сообществу до сих пор окончательно не ясно, сумела ли российская власть сформулировать такие политические и экономические условия существования российского и иностранного, включая китайский, бизнеса в восточных регионах страны и такие политические и экономические ограничители и стимулы российско-китайского и другого регионального экономического взаимодействия с иностранными партнерами, которые гарантируют устойчивое и поступательное развитие прежде всего дальневосточных территорий России, сформулирована ли система научных приоритетов, кумулятивных стимулов модернизации и одновременно ограничителей негативных тенденций или неравномерного характера двустороннего экономического сотрудничества, а также стимулов регионального экономического взаимодействия, сформирована ли конкурентная научная концепция динамичного развития именно азиатских окраин России, а не окружающих их территорий. Решение этих задач — императив третьего десятилетия российско-китайского взаимодействия в постсоветскую эпоху.

В то же время именно третье десятилетие развития российско-китайских отношений, когда современный российский политический режим перестал видеть в Западе стратегическо-

¹⁴ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. Политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2008. С. 131–136 [Voskresenskiy A.D. Rossiya i Kitay: potentsial, perspektivy, vyzovy i problemy regional'nogo izmereniya otnosheniy // Vzaimodeystviye Rossii i Kitaya v global'nom i regional'nom kontekste. Politicheskiye, ekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye izmereniya. Vladivostok : Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2008. S. 131–136].

го партнера и развернулся в сторону Азии, прежде всего — Китая, покажет, насколько и в каком качестве Китаю нужна Россия. Сложность прогнозирования развития российско-китайских отношений в следующее десятилетие заключается в том, что конфронтация с Западом сильно ослабила российские позиции в отношении Китая, но в то же время и усилила необходимость заключать с ним крупномасштабные контракты любой ценой. Насколько в этой ситуации российскому руководству удастся развивать российско-китайские отношения не только с позиций равноправности, но и использовать их как рычаг для дальнейшего политического и экономического усиления России и укрепления ее места в международных отношениях, покажут время и реальная практика российско-китайских отношений следующего десятилетия. Первые масштабные нефтегазовые контракты, подписанные Россией и Китаем после кризиса в отношениях России с Западом, свидетельствуют об укреплении доверия между двумя странами и желании продолжать крупномасштабное энергетическое сотрудничество, однако пока не дают однозначного ответа на вопрос, насколько они будут выгодны России с финансово-экономической точки зрения, и главное — насколько они реально позволяют создать новые российско-китайские площадки экономического развития именно на территории России, которые приведут к реализации на практике не только заявленных в ходе подписания таких контрактов политических и социально-экономических целей, но и реального укрепления позиций России в системе международных отношений. Неясно также, как повлияет на мировую экономическую конъюнктуру укрепление российско-китайских контактов в области государ-

ственного бизнеса. Инициированные в России за 2014 г. экономические меры в ответ на западные экономические санкции привели к запрету на импорт продовольствия из США и ЕС, невиданному ранее оттоку капитала из страны и ослаблению национальной валюты (отток капитала только за первую половину 2014 г. превысил сумму оттока за весь предшествующий год, курс рубля к евро достиг в декабре 2014 г. соотношения 1 : 93—100), а некоторые принятые Думой законы теоретически позволяют начать процесс отъема иностранной собственности, что полностью прервет экономическое взаимодействие России с ЕС и США. В Китае одновременно с реструктуризацией экономики началась кампания демополизации рынка через частичное ограничение деятельности крупных западных компаний, что значительно увеличило политические риски и сделало экономическую деятельность в Китае зарубежных инвесторов и компаний гораздо менее стабильной и предсказуемой. С другой стороны, мнения российских и китайских политиков и экспертов разделились по поводу оценки результатов деятельности такого рода: приведет ли она к большей конкурентности российской и китайской экономик или же к экономической стагнации этих стран. Пока ясно только одно — российско-китайское сближение, к которому все предшествующие двадцать пять лет западные страны относились скептически, несомненно, стало полноценным фактором мировой политики, конфликт России и Запада усилил, по крайней мере краткосрочно, политическую и экономическую турбулентность и непредсказуемость мировой политики и экономики, но о долгосрочных результатах этого процесса можно будет судить только через 2—3 года.

Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990–2015)

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский ун-т), профессор кафедры востоковедения, декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Аннотация. Данная статья рассматривает азиатское направление внешней политики России, в частности российско-китайские отношения, начиная с постсоветского периода и до настоящего момента. Автором также рассматриваются этапы изменения внешнеполитического курса России, а также позиции сторон, лоббирующих различные векторы внешней политики. Подробно анализируется взаимодействие России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС. Автор проводит анализ российско-китайских отношений в ключевых сферах сотрудничества (взаимная торговля, ядерная энергетика, военно-техническое сотрудничество). Важным шагом в российско-китайских отношениях, по мнению автора, является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный в июле 2001 года во время визита Цзян Цзэминя. Автор оценивает результаты трех этапов российско-китайских отношений и перспективы их развития.
Ключевые слова: Россия, Китай, внешняя политика, международные отношения, ШОС, БРИКС.

Relations between Russia and China as part of the Asian vector of Russian diplomacy (1990–2015)

Alexei Voskresenski, Dr. Pol. Sc., PhD
(University of Manchester), Professor,
Dean of School of Political Affairs at MGIMO-University

Abstract. The article addresses to the Asian vector of the Russian foreign policy in particularly relations between Russia and China since post-Soviet period until nowadays. The author examines the stages of changing the Russian foreign policy as well as the positions of lobby parties in foreign policy. The article gives the detailed analysis of the cooperation between Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization and BRICS. The author examines Russian-Chinese relations in key areas of collaboration such as mutual trade, nuclear power and military-technical sphere. According to the author significant step in Russian-Chinese relations is the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation signed in the July of 2001 during the visit of Jiang Zemin. The author assesses results of three stages of the relations between Russia and China and future development trends.
Key words: Russia, China, foreign policy, international relations, the Shanghai Cooperation Organization, BRICS.